

Вячеслав Фисюков

Гийом Совэ. Потерпевшие победу: советские либералы и крах демократии в России (1987–1993 годы). Пер. с фр. Гийома Совэ и Анны Герцик. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 344 с. ISBN 9785444826058.

*Вячеслав Фисюков, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия.
v.fisyukov@eu.spb.ru.*

Перестройка стала золотым веком советских интеллектуалов, которые с 1987 года, с началом курса на демократизацию, получили невероятную прежде возможность критиковать не подлежащие ранее сомнениям решения партии, формулировать и направлять общественные обсуждения в стране. Еще никогда в истории нашей страны призывы к нравственным трансформациям, «духовной революции» и переосмыслению прошлого не воспринимались гражданами с таким вниманием (Арон 2017:14). Интеллектуалы в считанные дни могли мобилизовать широкие слои городского населения на публичные выступления, протесты или для организации поддержки решений власти, что позволило им на рубеже 1980–1990-х фактически возглавить демократическое движение сторонников глубокого реформирования советской системы. Однако всего за несколько лет вчерашние советские кумиры миллионов – читателей толстых журналов и газет – были преданы «чуть ли не анафеме», стремительно утратив симпатии и реальные рычаги влияния на власть после 1993 года (Лукин 2005). Исследованию факторов, которые определили столь драматичное падение и маргинализацию советских либералов, и посвящена книга.

Гийом Совэ – канадский политолог, преподаватель Монреальского университета и сотрудник Центра международных исследований (CÉRIUM). В книге представлены результаты его работы по анализу политической мысли советской либеральной интеллигенции периода перестройки. Впервые книга была опубликована в 2019 году на французском языке, весной 2025-го вышли ее русский и английский переводы.

В более широком историографическом контексте эту работу можно отнести к исследованиям, посвященным демократическим трансформациям в СССР и России в 1980–1990-е годы (Гельман 2023; Fish 1995; McFaul 2001). Однако Совэ отмечает, что, в отличие, например, от Владимира Гельмана, он не стремился объяснить «причины краха демократии в постсоветской России». Автор определил фокус исследования более конкретно – «понять меру ответственности советской либеральной интеллигенции за этот печальный исход» (с. 21). Поэтому работа, во-первых, продолжает традицию изучения роли ценностей и идей во время перестройки – «последней русской революции (1987–1991)» (Арон 2017:32). Во-вторых, рассматривая публичные дебаты между либеральными интеллектуалами, автор уделит внимание особенностям трансформации политического дискурса перестройки и изменениям в «интеллектуальном словаре» понятий, которые они использовали (Atnashev 2010:7). Наконец, Совэ предложил комплексный взгляд

на развитие либеральной мысли в СССР эпохи перестройки (Timofeyev 2004), проследив ее философские основания и отличия от западного либерализма.

Изучая дебаты в среде публичных интеллектуалов того времени, автор опирался главным образом на публицистические материалы (газетные и журнальные колонки в популярных СМИ, редакционные статьи и заметки на страницах толстых литературных журналов). Его анализ дополняют «ретроспективные свидетельства» – материалы 24 интервью с активными участниками общественных дебатов того времени и членами их семей (с. 29–30, 328). Однако ссылок на эти устные свидетельства в тексте практически не приводится. Нет в книге и четкого объяснения выбора хронологических рамок. Автор лишь отмечает, что речь пойдет о «странной судьбе советских либеральных интеллектуалов», начиная с «грандиозного взлета в 1987 году» до «принятия суперпрезидентской конституции в 1993 году» (с. 11). Природу этого «взлета» Совэ затем «расшифрует» – по его мнению, с 1987 года публичная сфера «частично освободилась от цензуры» и «революционная моральная критика либеральных интеллектуалов стала преобладать в общественном дискурсе» (с. 21, 89), однако это пояснение представлено в виде комментариев в разных частях книги. Если 1993 год как время конституционного кризиса еще может быть понятен читателю в качестве верхней границы, то 1987-й с первых же страниц вызывает вопросы: почему не 1985-й, когда был провозглашен курс на «ускорение», или 1989-й, когда состоялись выборы Съезда народных депутатов, которые автор назвал введением «де-факто политического плюрализма» (с. 127)?

Чтобы не «говорить о всех сразу» и «не потерять связь дискурса с событиями» (с. 28), Совэ сфокусировал исследовательское внимание на шести советских либералах: историках Юрии Афанасьеве и Леониде Баткине, литературных критиках Юрии Буртине и Юрии Карякине, журналисте Леониде Карпинском и физике Андрее Сахарове. Все они представляли, по мнению автора, «московское течение» либеральной интеллигенции и были авторами статей в резонансном сборнике сторонников углубления перестройки «Иного не дано» с критическим осмыслением ее тенденций (Афанасьев 1988). Кроме того, все они участвовали в работе политического клуба «Московская трибуна» (с. 28–29). Выбор протагонистов книги, однако, выглядит не вполне обоснованным. По какому принципу, например, из 34 авторов сборника «Иного не дано» выбрано только шесть участников? Если внимание к фигурам Афанасьева и Сахарова как к наиболее известным интеллектуалам и общественным деятелям перестройки в целом объяснимо (в том числе занимаемыми ими в науке позициями), то выбор прочих персоналий нуждается в дополнительном пояснении.

На первых же страницах автор раскрывает одно из ключевых понятий книги – «советская либеральная интеллигенция». С его точки зрения, это интеллектуалы, которые выступали за социализм с представительной демократией, гарантией прав человека, элементами рыночной экономики, за конституционализм и т. п. (с. 9). Их идейные представления сочетают наследие «гуманистического социализма» и идеалы Просвещения (всеобщность ценностей, стремление к рациональному управлению обществом) с романтическими и гуманистиче-

скими идеалами. Совэ не универсализирует термин «либерализм», сразу же отмечая ключевое отличие западных либералов от советских – «осознанный морализм» последних (с. 23, 91). Постоянный учет именно советского контекста отличает исследование Совэ от, например, подхода Игоря Тимофеева, который, с опорой на ценности западного либерализма, выявлял «нелиберальное качество» в мышлении советских интеллектуалов – они полагают, что «человек и общество должны стремиться к определенной цели, толкователями которой они считают самих себя». Совэ трактует эту позицию иначе – как «политический перфекционизм», что предполагало «трепетное отношение» советских либералов к вопросам морали и признание ими за государством роли создателя условий для нравственного развития человека (с. 90–91).

Однако было ли это понятие самоназванием? Как публичные интеллектуалы периода перестройки с либеральными (в указанном выше смысле слова) взглядами идентифицировали себя? Ведь, кроме собственно либеральных интеллектуалов, автор также охарактеризовал взгляды националистических интеллектуалов, которых разделил на две ветви – на консервативных и либеральных националистов. Мыслители обеих этих категорий, как следует из текста, «ставили во главу угла совесть», а либеральные националисты к тому же не были «врагами модерности и Запада» (с. 55–59), что сближало их позиции с зарождающимся течением либеральных интеллектуалов (с. 62). Поэтому речь идет скорее об исследовательской категории, нежели о самоназвании этой группы, тем более учитывая, что, по замечанию Совэ, они вплоть до 1990 года были сторонниками социализма и называли себя скорее «демократами» (с. 65). Нельзя не согласиться с Тимофеевым, заметившим, что отдельную трудность в изучении российского либерализма 1980-х годов представляет частая смена видными либералами своих взглядов в ответ на расширение идеологических границ публичного дискурса и изменение политической и экономической конъюнктуры (Timofeyev 2004:53). В таком случае более точным мне представляется подход политолога Александра Лукина (2005), который предложил определять «демократов» в «общественном контексте тогдашней России» и относить к ним тех публичных интеллектуалов, которые сами себя так называли.

На этом фоне более полным выглядит объяснение, которое привел Бенджамин Тромли для выявления черт схожего объекта исследования – «служащей интеллигенции» (*toiling intelligentsia*) – с 1948 по 1964 годы. Условиями ее появления стали понимание социальной роли интеллигентов как распространителей «культурности»; «возврат к прошлому», который привел к реабилитации некоторых дореволюционных традиций в образовании; начало холодной войны и гонки вооружений, побудившие руководство страны увеличить материальные привилегии научной элиты (что делало научную карьеру более привлекательной) (Tromly 2014:7–8). То есть такой подход комбинирует политические, экономические и культурные характеристики «служащей интеллигенции». Возможно, основная сложность в проведении понятийных границ в связи с термином «либеральные интеллектуалы» в книге Совэ связана с тем, что автор определяет их с точки зрения разделяемых ими идей, что следует признать логичным – даже

в обозначении этой группы присутствует идеологическая принадлежность («либеральный»). Однако это – по сути единственный критерий, который, с учетом приведенного выше замечания Тимофеева про частую смену взглядов публичных интеллектуалов в конце 1980-х, не позволяет достаточно точно очертить объект исследования.

Раскрывая сущность рассматриваемой группы, Совэ выявил две историографические тенденции в изучении «взлета и падения либеральной интеллигенции» в СССР и России на рубеже 1980–1990-х (с. 12). Первое, «триумфалистское», объединяет авторов, объяснявших упадок проекта либеральной интеллигенции внутренними причинами, будь то трудности перехода к рынку, демократии и национальному государству или «моральное разложение» граждан (с. 14). В их числе Совэ упоминает Леона Арона, чья книга о «последней русской революции 1987–1991 годов» (Арон 2017:32) и определявших ее идеях и ценностях концептуально близка первым главам исследования Совэ, где раскрыто понимание морали советскими либералами. К «триумфалистскому» направлению он отнес и исследователей, которые сближали воззрения западных и советских либералов. Например, политолог Стивен Фиш описывал действия российских «демократов» (то есть «ассоциаций организованной, независимой революционной оппозиции») как движение в сторону либерализма и социал-демократии, понимаемых в западных категориях (Fish 1995:28)¹.

Во втором историографическом тренде – разочаровании действиями либеральной интеллигенции – Совэ определил два компонента: «тезис о негативности» и «тезис о перевернутых понятиях». Первый подразумевает, что интеллигенция не предлагала никакого проекта, кроме неприятия коммунизма, и сводит ее борьбу с режимом к моральному протесту без четкой цели. Это порождало, используя термины антрополога Сергея Ушакина, на которого ссылается Совэ, «постсоветскую афазию» – возврат к советским дискурсивным формам при отсутствии или расплывчатости их «несоветских», уже российских, аналогов (Ушакин 2009:764).

В то же время «тезис о перевернутых понятиях» предполагает рассмотрение взглядов либеральных интеллигентов как преемственных по отношению к советской идеологии, от которой они унаследовали «политический максимализм». К этому лагерю Совэ относит Лукина, исследовавшего «демократов» (этот термин Лукин (2005) использовал всегда в кавычках, так как учитывал его субъективное понимание самими «декратами») 1985–1991 годов в качестве духовного сообщества, которое объединено системой представлений, составлявших политическую субкультуру.

После критического разбора этих тенденций Совэ предложил свой «герменевтический и исторический» подход к исследованию текстов либеральных интеллигентов с учетом «контекста выражения и восприятия» их мнения в публич-

---

¹ Хотя и такое сближение имело некоторые ограничения. Так, Фиш уже в начале своей книги замечает, что «новые независимые силы» в ходе перестройки создали политическое общество особого типа, отличающееся и от его «тоталитарного» варианта до 1985 года, и от «гражданского» общества, характерного для стран Запада (Fish 1995:4).

ном пространстве. Сначала в книге следует описание моральной концепции интеллектуалов (главы 1–3), затем анализ ее «проверки на прочность» с 1989 по 1993 годы (главы 4–7) (с. 21–22). По сути, автор воспроизвел ключевые идеи и нравственные идеалы, которыми руководствовались советские либералы при обсуждении стратегии и тактики взаимодействия представителей советской общественности с реформаторским крылом КПСС во главе с Михаилом Горбачевым, а также в их полемике с интеллектуалами из условного «националистического» и «консервативного коммунистического» лагерей. Автор справедливо отмечает некоторую парадоксальность политических координат в эпоху перестройки: в то время как сторонники реформ интерпретировались как левые, консервативно настроенные партийцы и интеллектуалы трактовались в качестве правых. Поэтому «сторонники рынка оказались слева, а коммунисты – справа» (с. 214).

Дискуссии среди либеральных интеллигентов по поводу методов воздействия на власть Совэз рассматривал в контексте общей борьбы за демократические преобразования в других странах стремительно распадающейся Организации Варшавского договора. Советские интеллектуалы воспринимали действия лидеров демократических движений в этих государствах в качестве примера для подражания. Так, они активно обсуждали способы политической мобилизации, практиковавшиеся польским профсоюзным движением «Солидарность». Сравнивая себя с чехами, немцами и румынами, боровшимися за демократию, российские либеральные интеллигенты ощущали уже в 1989 году некоторое отставание СССР от реформ, запущенных революциями в ГДР, Чехословакии и Румынии (с. 148, 167, 171, 180). Такие сравнительные сопоставления встречаются довольно часто в четвертой главе, посвященной анализу постепенной радикализации политических выступлений либеральных интеллигентов. Однако отсутствие пояснений критериев выбора стран для сравнения ставит вопрос о методологическом аспекте работы. Подобные наблюдения оказываются лишь дополнительными комментариями, создающими общий контекст полемики советских интеллектуалов, но едва ли на их основе можно делать выводы. Сравнительная перспектива, заявленная автором в начале работы, становится лишь уловкой, прочно забытой к концу книги.

Лейтмотив работы – тернистый путь большей части либеральной интеллигенции сквозь историю становления современного российского порядка. Сначала советские либералы поддерживали «просвещенного реформатора» в лице Горбачева, несмотря на отдельные, пусть даже и принципиальные, идейные расхождения с его курсом. Это продолжалось до того момента, пока он оставался единственной фигурой, способной проводить реформы. Затем либералы перешли к открытому политическому противостоянию с ним во время заседаний Съезда народных депутатов в 1989 году, которое было вызвано провалом попыток наладить диалог с реформистским правительством и неожиданно (для либералов) масштабной мобилизацией населения (с. 151–154). Первые конкурентные выборы Съезда народных депутатов в 1989 году и отмена 6-й статьи Конституции СССР, определявшей «руководящую роль» партии, стали началом плюрализации советского общества и, как следствие, курс реформ Горбачева перестал быть безальтер-

нативным (с. 127). При этом, по мнению Совэ, даже в таких условиях проявилась главная особенность советских либералов – стремление сотрудничать с властью и избегать открытого конфликта с ней (с. 191).

Описывая отношение советских либералов к политике Бориса Ельцина, автор отмечает, что они перешли к поддержке нового «реформатора», обеспечив демократическую легитимность его курса на авторитарный переход к рынку (с. 187, 314). Как и в случае с Горбачевым, интеллигенты пошли по пути «поддержки и консультирования власти» (с. 191). Обоснования борьбы с экзистенциальной угрозой в лице «красно-коричневых» противников Ельцина в октябре 1993 года и сохранение лояльности президенту как «вынужденному злу» обернулось самодискредитацией либеральной интеллигенции и ее превращением уже со второй половины 1990-х годов, как замечает Совэ, в периферийную политическую силу, не способную серьезно влиять на решения власти. Поэтому, как мне представляется, главный тезис книги автор формулирует следующим образом: советские либералы стремились «укрепить» позицию лидера-реформатора, окончательно решить «вопрос о власти», передав ее в компетентные руки, чтобы избежать политических конфликтов, которые неизбежно разворачиваются по мере развития процесса преобразований в обществе. Сам автор с такой трактовкой «вопроса о власти» не согласен. Насколько можно понять из текста, он в целом солидарен со взглядами Баткина – одного из фигурирующих в книге советских либералов, для которого демократия воплощается в «постоянной открытости вопроса о власти» и создании условий для «цивилизованной политической борьбы» (с. 303–304, 327).

Среди идейных устремлений либеральной интеллигенции и ее последующей имплементации в виде конкретных политических действий, по мнению исследователя, можно выявить парадокс. С одной стороны, ее представители декларировали приоритет категорий морали, нравственности и общечеловеческих ценностей. С другой стороны, поддержали внедрение «железных законов рынка», которые исключали многие нравственные императивы, и призывали к ограничению принципа плюрализма (с. 315) в отношении оппозиции, представлявшей угрозу реформам (с. 272). Сначала в такой роли виделись коммунисты-консерваторы (персонифицированные в образе Нины Андреевой) и националисты, затем, в ходе конституционного кризиса осени 1993 года, – «красно-коричневые» сторонники вице-президента Александра Руцкого и председателя Верховного совета Руслана Хасбулатова. Последнее наблюдение лишний раз демонстрирует симметричную склонность разных политических сил России того периода, вне зависимости от декларируемых принципов, к использованию «репрессивного дискурса». Такой парадокс во многом предопределил неудачу либеральных интеллектуалов, возглавлявших Межрегиональную депутатскую группу (она объединяла демократических депутатов Съезда) и коалицию «Демократическая Россия», которые избрали стратегию укрепления власти реформатора, а не создания автономной оппозиции. Как следствие, они поддерживали суперпрезидентский режим, который, по мере концентрации власти, все больше маргинализировал демократическое движение (с. 241).

Таким образом, книга Совэ позволяет взглянуть на эпоху «транзита к демократии» и одновременно генезиса уже российского государства с точки зрения акторов, сыгравших заметную, хотя и практически забытую сегодня, роль. Этим и обусловлена амбивалентность названия – советские либералы «потерпели победу», так как, на первый взгляд, сокрушили коммунистическую систему, но одновременно в считанные годы растеряли весь политический капитал, стремительно набранный с 1987-го по 1991-й. Совэ сочетает две исследовательские перспективы. Во-первых, он провел глубокий анализ философских оснований взглядов советских либералов по поводу «вопроса о власти» – *кто правит и как*. Во-вторых, рассмотрел разные конфигурации в их взаимодействиях с реформистскими правительствами Горбачева и Ельцина и показал, какими способами они легитимировали политику этих лидеров. Такой подход дополняет анализ институциональных аспектов перехода к демократии (Fish 1995; McFaul 2001) учетом особенностей легитимации нового режима (с. 318). Поэтому книга будет полезна не только исследователям процессов демократизации в СССР и на постсоветском пространстве на рубеже 1980–1990-х, но и тем, кто изучает историю идей и роль ценностей в публичной политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьев, Юрий, ред. 1988. *Иного не дано: судьбы перестройки, глядявываясь в прошлое, возвращение к будущему*. М.: Прогресс.
- Арон, Леон. 2017. *Дороги к Храму: истина, память, идеи и идеалы российской революции 1987–1991*. М.: Школа гражданского просвещения.
- Гельман, Владимир. 2023. *Авторитарная Россия. Бегство от свободы, или Почему у нас не приживается демократия*. М.: Говард Рорк.
- Лукин, Александр. 2005. *Невежество против несправедливости: политическая культура российских «демократов» (1985–1991)*. М.: Научная книга.
- Ушакин, Сергей. 2009. «Бывшее в употреблении: постсоветское состояние как форма афазии». *Новое литературное обозрение* 6(100):760–792.
- Atnashev, Timur. 2010. "Transformation of the Political Speech Under Perestroika: Rise and Fall of Free Agency in the Changing Idioms, Rules and Second-Order Statements of the Emerging Intellectual Debates (1985–1991)." PhD dissertation, Department of History and Civilization, European University Institute.
- Fish, M. Steven. 1995. *Democracy from Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- McFaul, Michael. 2001. *Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Timofeyev, Igor. 2004. "The Development of Russian Liberal Thought Since 1985." Pp. 51–118 in *The Demise of Marxism-Leninism in Russia*, edited by Archie Brown. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Tromly, Benjamin. 2014. *Making the Soviet Intelligentsia: Universities and Intellectual Life Under Stalin and Khrushchev*. Cambridge: Cambridge University Press.